

О войне, о цирке, о «Вечерке»

Вег. Москва. — 1995. — 19 стр. — Р. 1-2

— Юрий Владимирович, давайте нарушим традицию. А то, как Никулин — так анекдот или веселая история... Расскажите о самом тяжелом эпизоде в вашей военной биографии, когда было не до шуток.

— Не расскажу. Что мог — написал в книге «Почти серьезно», там есть о войне глава. Если писать о войне все, то это получится очень страшно. Тем более что воевал я на одном из самых тяжелых фронтов — Ленинградском, мы были все время голодные, на краю дистрофии. Тяжко было. Те, кто говорят: «Я на фронте не боялся», — врут. Боялись все, но кто-то это показывал, кто-то — нет. Хотя когда все только началось, я действительно не боялся. Думал, как в фильме — немцы нас бомбят, но сейчас прилетят наши, и все будет как надо. В первый же военный рассвет немцы с бреющего полета минировали Финский залив. Где же наши самолеты? А они появились только днем, и как их начали сбивать. Когда немецкий бомбардировщик сбился, мы «ура» кричали, а сколько перед этим сбили наших... Грустно все было. Хотя мы молодые были — так что как могли шутили, развлекались даже в том аду, который был. Старшина задает вопрос, и кто лучше всех ответит, тому 150 водки. Например, почему лягушки спят без подушки? «Лауреатом» стал ответивший — «английское воспитание».

— Вы тоже, как я понимаю, без призовой водки не сидели?

— Было, было такое...

— Вы поддерживаете сейчас отношения с однополчанами?

— Конечно. Но постепенно они уходят. Навсегда уходят. Самые близкие друзья уже ушли, остался один — он сейчас в Москве живет, старшина Михаил Вальков. Но девятое мая мы с ним, как правило, не встречаем. В этом году в День Победы собираюсь на Поклонную гору, потом, может, приму участие в концерте на Красной площади.

— Я уже устал вертеть головой в вашем кабинете — столько тут всего интересного. Вы что-то специально коллекционируете или это просто подарки?

— Только подарки. Ничего я не собираю — кроме анекдотов.

— Да, Никулин и анекдоты — это два неразделимых

понятия. — Особенно в последнее время, когда и по телевидению, и в прессе пошли анекдоты из моей коллекции. А клуб «Белый попугай», когда люди собираются и к взаимному удовольствию рассказывают анекдоты и смешные случаи, вообще вызывает бурю откликов. В основном пишут благожелательно, анекдоты присылают. Но и ругаются некоторые — мол, «словечки» там у вас не того, а передачу дети смотрят. Хотя эти словечки дети постоянно слышат и в школе, и на улице, и в семье порой. Вон Полторанин, когда говорил о плохой работе телевидения, ругая глупые, ненужные и вредные, на его взгляд, программы, включил в список и «Белого попугая». Я улыбнулся, услышав это: раз так, значит, на кого-то наша передача действует по-другому... Не зря работаем.

— Слушая ваши анекдоты, у меня создается впечатление — вы через них стали философом...

— Естественно. Анекдоты, если их собирать по-серьезному, распределять точно по годам, когда они возникали — особенно политические, — это материал, по которому можно написать историю страны, причем весьма правдивую. Ведь то, о чем мы говорим сейчас, в свое время звучало только в анекдотах, но подпольно.

— В анекдотах «перестройки» не требовалось...

— Они только стали гласными, и все.

— И, мне кажется, что-то из-за этого утратили.

— Естественно, когда это был запретный плод, они и воспринимались иначе.

— Давайте поговорим о сегодняшнем цирке. Почему-то три десятка лет назад я знал фамилии всех ведущих цирковых артистов, во всяком случае, клоунов и дрессировщиков — точно. А сейчас, хотя тоже часто с детьми бываю в цирке, хоть убейте — не назову по памяти ни одного выступающего ныне циркового артиста. Думаю, что не у меня одного так. Почему? Ведь, спроси детей — каких они знают клоунов, и назовут не ныне выступающих, а вас, Карандаша, Енгибарова...

— Это очень большой вопрос. И я не знаю на него ответа.

Окончание на 2-й стр.

Юрий НИКУЛИН:

О ВОЙНЕ, О ЦИРКЕ, О «ВЕЧЕРКЕ»

Окончание. Начало на 1-й стр.

— Приходят молодые артисты — какие у вас к ним требования?

— У нас к ним или у них к нам? У них — быстрее поехать за рубеж. Они знают, что да, надо сделать хороший номер, — иначе за рубеж не пошлют. Но и за рубежом уже, можно сказать, зрители «зажались» — выезжает много коллективов, даже очень сильных, но хороших сборов у них зачастую не бывает.

— Наверное, в застойные времена цирку легче жилось?

— Безусловно. Я в цирк пришел работать после войны. Так вот, в пятидесятые годы Союзгосцирк, объединявший 75 цирков-стационаров, приносил в год 3—4 миллиона прибыли. А сейчас, если бы не московское правительство, не знало, как бы жил Московский цирк. С Лужковым я познакомился давно, когда он был замом председателя Мосгорисполкома по строительству. Тогда мы реконструировали цирк, было много проблем. В частности, для перевозки финских строителей «Интурист» ежедневно выделял два автобуса. Друг из «Интуриста» звонит, говорят — завтра автобусов не будет, приезжает делегация и, в отличие от цирка, они платят в валюте. А буквально за пару дней до этого мне позвонил Лужков и спросил — есть ли какие трудности и нужна ли помощь? Я помню, очень тогда удивился — с чего бы это чиновнику (а они все для меня были чиновниками) просто так мне звонить? А он действительно просто проявил участие. Так вот, как произошла накладка с автобусами, я вспомнил про Лужкова. Звоню: «Юрий Михайлович, автобусы отбирают!» Отвечает — секунду, сейчас разберусь. На завтра нам с испугу три автобуса прислали вместо двух.

Следующие десять минут идет оживленный обмен анекдотами, причем дальше первой фразы интервьюеру прорваться не удается — Никулин мгновенно производит продолжение. Потом рассказывает, для утешения собеседника, следующий случай:

— Когда я еще учился в студии, главный режиссер Местечкин как-то рассказал Станицыну, народному артисту из

МХАТа, знатоку и любителю анекдотов, что есть такой клоун, который знает анекдотов великое множество. Станицын пришел к антракту в цирк — важный, в идеальном костюме, платочек... Входит — и сразу: «Два лилипута бредутся...» Я: А, бритву сломали? А как десять женщин в рай попали? Он: Поднять руку десятой? Знаю.

Вот так и говорили, за двадцать минут не рассказав друг другу ни одного нового анекдота. После Местечкина спрашивает Станицына — ну как поговорили, что-то новое узнал? Нет, — отвечает, — ничего не узнал, но хорошо поговорили. Очень эрудированный человек.

...Я засиделся у Никулина, хотя давно было пора уходить. В конце концов совесть меня замучила окончательно, я засобирался, а тут Юрий Владимирович выдал на сладкое:

— А знаете, тем, что я стал клоуном, я обязан «Вечерке». Я сдавал экзамены в ГИТИС, во ВГИК — хотел быть артистом. Уже наступила глубокая осень, а меня нигде не приняли. Я был уже в отчаянии, но в одну из суббот мы отправились с отцом за «Вечеркой». По субботам как раз публиковался кроссворд, и мы его всей семьей разгадывали. На последней странице купленной в тот день «Вечерки» я прочитал объявление: «Московский ордена Ленина цирк объявляет прием в студию разговорных жанров. Студия готовит клоунов и эксцентриков для цирка. Срок обучения — 2 года». А цирк я очень любил, мы ни одной новой программы не пропускали. Я говорю отцу — а что если в цирк попробовать? Отец согласился, мама была против — она мечтала, что я буду играть Шекспира, но мы с отцом ее уговорили. И я пошел, поступил, учился — и все это благодаря «Вечерке». Это судьба. Тут к месту мой любимый анекдот:

«Два города, между ними 200 километров и одна железнодорожная линия. Сначала поезд идет в один город, потом линия освобождается, и другой поезд идет обратно. Однажды ночью диспетчеры что-то напутали, и из обоих городов одновременно вышли два поезда и понеслись навстречу друг другу. Но так и не встретились! Почему? А не судьба!»

Беседовал Алексей ПЕКСОВ

147